Газета "Ростовский вестник"
№ 45 (15208)
28 июня 2011

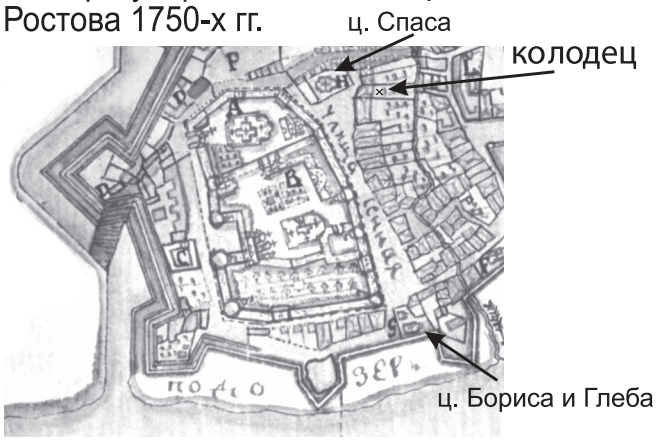
Телефон отдела новостей: 6-53-34

Ростовская старина
Выпуск Ростовского отделения ВООПИиК и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 157
Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

Археологические открытия

Колодец 17-18 веков

Место обнаружения колодца на дорегулярном плане центральной части Ростова 1750-х гг.



• **Алексей Каретников**

Памятник археологии федерального значения «Культурный слой города Ростова 11-17 вв.» ежегодно подвергается уничтожению. И самое печальное даже не это, а то, что этот факт мало кого волнует.

В пятницу я узнал, что у аптеки св. Пантелеймона на ул. Маршала Алексеева (самый центр Ростова!) копают траншею для врезки в канализацию. В 2004 г. вдоль улицы прокладывали канализацию. Тогда в отвале грунта был обнаружен резной белокаменный блок домонгольского Успенского собора.

В ходе осмотра участка я обратил внимание на небольшое брёвнышко длиной около метра. Его концы обработаны для стыковки «в лапу». Это явно деталь какой-то конструкции.

В яме я заметил угол какого-то сруба, выступающего из культурного слоя. Сидевшие рядом рабочие разрешили его расчистить. Оказалось, что это колодец. Вероятная его датировка — 17-18 век. Колодец относится к эпохе дорегулярной планировки, то есть он был сооружен до возникновения улицы на этом месте в конце 18 века. Соотнесение места обнаружения колодца с планом 1750-х гг. показало, что колодец относился к одному из дворов на улице Сенной, тянувшейся вдоль восточной стены Архиерейского двора (Ростовский кремль) от ц. Спаса до ц. Бориса и Глеба.

Интересно то, что он до сих пор функционирует. Из колодца небольшой струйкой в выкопанную яму сочилась вода. Обнаруженная деревянная деталь явно принадлежала ему. В отвале грунта валялась ещё одна похожая. Потом рабочие показали целую груду подобных брёвен диаметром 10-15 см.

Что-то надо было делать. Самое главное — не ясна точная датировка конструкции. Несколько брёвен точно надо брать для дендрохронологического анализа (установления точной даты порубки по характеру годичных колец) — это делают в лаборатории Института археологии.

Почему несколько? А может, всё?! Из деталей можно попытаться собрать верхнюю часть колодца. Тем более, подобные объекты в Ростове ни разу не подвергались музеефикации. В музее строится Историческая экспозиция. Такой колодец - элемент благоустройства средневекового города был бы там очень кстати.

В итоге я принял решение о перевозке 8 бревен в музей. С нескольких образцов будут сделаны спилы - их отправят в лабораторию для дендрохронологического анализа. Сотрудники лаборатории заинтересованы в пополнении образцов. Чем больше спилов — тем точнее шкала. Чем точнее шкала — тем точнее датировка каждого образца.

Историческое значение церкви Иоанна Богослова на Ишне

• **Александр Мельник**

Находящаяся близ Ростова церковь Иоанна Богослова (1687 г.) на реке Ишне давно и широко известна. Вот уже более ста лет она фигурирует в многочисленных научных и популярных изданиях. И, тем не менее, до настоящего времени не осознано значение данного памятника для истории и культуры России. В чем же состоит это значение?

Если мы взглянем на общую композицию храма, то не найдем в ней ничего выдающегося. Подобной ярусной композицией обладают многие деревянные и каменные церкви XVII века. И все же в нашем ишненском храме есть черты, которые выводят его в ранг уникальных памятников культуры. Речь идет о технике обработки древесины, из которой построено здание. Его бревна настолько чисто выстроганы, что кажутся полированными. Трудноразличимы пазы между этими бревнами, столь тщательно они подогнаны. В эти пазы невозможно просунуть безопасную бритву.

Таким высочайшим качеством обработки древесины не обладает ныне ни один из дошедших до нас памятников деревянного зодчества России XVII века. Но значит ли это, что не только сейчас, а и триста с лишним лет назад наша церковь была столь же уникальна? Отнюдь нет.

Дело в том, что обо всем русском деревянном зодчестве XVII столетия мы судим по памятникам провинциальным, созданным вдалеке от центра страны и в том числе Москвы. Но представление это явно однобоко. Все деревянные храмы столицы и подавляющее число храмов центральной части России XVI – XVII веков бесследно исчезли примерно в последней трети XVIII – первой половине XIX века, когда происходила целенаправленная замена деревянных культовых зданий каменными.

Во все времена, и в том числе в XVII столетии, строители отличались друг от друга по уровню своего мастерства. И, конечно, самые квалифицированные из них работали на представителей тогдашней элиты: царя, знать, церковных иерархов, монашество богатых монастырей. Но творения плотников, созданные по их заказу, как мы помним, давно утрачены. Уцелели только деревянные храмы, сооруженные по инициативе крестьян и небогатых монастырей.

Мы не знаем, кто строил интересующий нас храм - местные ростовские или приезжие мастера, но ясно одно: он представляет теперь почти целиком исчезнувший слой элитарной деревянной архитектуры XVII века.

Именно в этом заключается выдающееся историческое значение церкви на Ишне.

«Видел я как во сне эту землю...» (Н.В. Гоголь)

Путешествия ростовцев в Святую Землю в XIX в.

• **Анна Шелехова**

Окончание. Начало в «РС» № 156

В 1910 г. Ольга Дмитриевна вновь шлет весточку из Иерусалима матери (фото 1). К открытке прикреплены сухие цветы. Письмо было отправлено 10-го апреля: «Как-то встретили Вы праздник, дорогая, милая моя Мамаша? Мы, слава Богу, хорошо, наслаждались торжественными службами, всю страстную и начала св. Пасхи, которыя оставляли сильныя впечатления и заставляли глубоко все переживать; более слабые не в силах были справиться – кричали и падали. На той да пока и на этой я не получила от Вас весточки! Да, впрочем, Настенька писала мне, что Вы собирались в Москву на 6ой неделе, а потом еще что она послала мне от Вас посылку, искренно благодарю Вас дорогая моя, и что Вы так безпокоитесь». (Настенька – дочь Ольги Дмитриевны). Скорее всего, во время этого паломничества в 1910 г. Ольга Дмитриевна отправила нежную открытку с сухими цветами из Назарета (фото 2). К сожалению, описания путешествия Ольга Дмитриевна не оставила, или таковое не сохранилось.

Родившийся в Ростове благодетель города Алексей Леонтьевич Кекин посетил Святую Землю в 1885 году. Все торговые дела к тому времени были окончательно ликвидированы, семьи Алексей Леонтьевич лишился – жена

его Анна еще в 1876 году умерла от чахотки, а в 1885 году внезапно умер и единственный сын Максимилиан. Начался период религиозных исканий, Алексей Леонтьевич принял православие, предпринял поездку в Малую Азию. Окончив же путешествие, написал книгу, где, описывая святыни Палестины, он рисует картины местной жизни и природы.

Итак, выехав из Санкт-Петербурга 30 ноября 1885 года, Алексей Леонтьевич отправился в длительное путешествие, добрался до Рима, побывал в Бари, Неаполе, Александрии, Каире, и вот в конце декабря того же года А.Л. Кекин оказался в священном городе. «Местность в Палестине дивная, – пишет Кекин, – Она, как мне показалось, особенно способна отрывать мысли от всего земнаго и напоминать о Божьем учении, о служении Богу Духу истиной и делами».

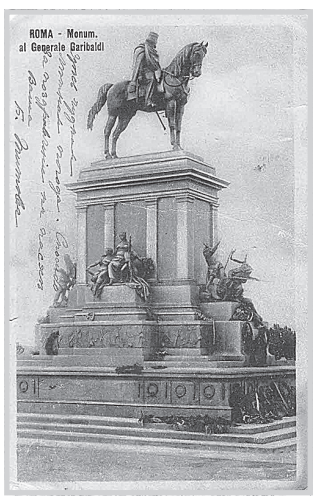
«Господи, слава Тебе!» – восклицает он, наблюдая те святые места, где «мучали и распяли сына Божия». «Видя их, невольно ощущаешь в душе страшный ужас. Вся душа потрясается. В то время, как мы, русские, читали на Голгофе акафист, некоторые из нас плакали. Тяжко видеть верующему человеку все эти места». Но не забывает Алексей Леонтьевич и о «местах утешения – местах вознесения и воскресения», которые могут напомнить о любимом празднике православного христианства – светлой Пасхе. И на страницах описания его путешествия можно прочесть строки о храме Воскресения в Иерусалиме: «Дивно проходит свет во все приделы, кроме подземных, подобно тому, как свет христианского учения, свет Воскресения Христа разгоняет тьму».

Ростовские купцы, бывая за рубежом, приобретали навыки и расширяли границы торговли, но не забывали и о душе.

Открытка из Италии

• **Елена Крестьянинова**

В прошлом столетии Италия не была для жителей Ростова «terra incognita». Об этом свидетельствуют посланные ростовцами из итальянских городов на родину открытые письма с видами их достопримечательностей, представленные на выставке «ROMAnce. Ростов.



Итальянские мотивы» (экспозиционер Т.В. Колбасова, Ростовский музей).

Благодаря Ирине Васильевне Сапунковой совсем недавно обнаружилось еще одно такое письмо. Беатриса Васильевна Титова послала его из Рима в принадлежавшее ее семье имение Петровское на имя жены управляющего Екатерины Николаевны Горяченковой. Неплохая сохранность позволила прочитать текст письма.

«Многоуважаемая Екатерина Николаевна!

Думаем провести все лето в Петровском. Можете Вы застать ту горничную, опять на тех же условиях? Но на этот раз она должна остаться все лето. Пожалуйста, пишите ответ в Москву. Приедем к вам 1-го июня.

Сейчас находимся в Италии. Здесь чудная теплая погода. Спасибо за поздравление на Пасхе.

Ваша Б. Титова».

Эта открытка была отправлена 9 мая 1914 года.

До начала I мировой войны оставалось немногим меньше трех месяцев…

Газета "Ростовский вестник"
№ 45 (15208)
28 июня 2011

Телефон отдела
новостей: 6-53-34

Ростовские огородники в Риге

• **Александр Морозов**

Окончание. Начало в «РС» № 156

В Риге, в фондах музея истории города и мореходства сегодня можно увидеть восемь литографий с видами города рижского художника Теодора Рикмана. На литографии, выполненной в 1842 г., изображены, судя по подписи, «Русские в овощных садах у Риги» (см. илл.). Рижские краеведы, в частности Илья Дименштейн, считают, что на самом деле это Петербургское предместье, ныне самый центр – район улиц Гертрудес и Стабу. Вдали видны шпили соборов Петра, Домского и Екаба, а церкви Гертруды нет и быть не могло. Ее начали возводить лишь в 1864-м г. За чертой Старого города, в районе нынешних Бривибас – Гертрудес, густые деревья. Деревянные, двухэтажные домишки тоже, конечно, были в предместьях, но их не разглядеть. Только в 1860-е гг., после того как Рига утратила статус города-крепости, в предместьях разрешили возводить каменные дома. В том районе, что на литографии, первые дома появляются в 1880-е гг. А пока это предместье, отделяемое от остальной территории палисадом и сторожевой будкой, которые можно увидеть на рисунке. Ориентируясь по расположению алтарной части собора св. Петра, рижские краеведы предполагают, что это огороды семьи Курмановых.

Поречские крестьяне, братья Петр и Дмитрий Дмитриевичи Курмановы, крепостные графа В.Г. Орлова, с 1770-х по 1820-е гг. занимались в Риге производством свечей. Помимо собственного промыслового дела крестьяне исполняли разного рода поручения своего помещика. В фонде Орловых-Давыдовых РГАДА сохранилось несколько «верющих писем» – доверенностей, выданных Курмановым графом В.Г. Орловым. В частности доверенность от 8 декабря 1794 г. Дмитрию Дмитриевичу Курманову на право покупки в Риге «крепостных дворов, земли со строением», брать от продавцов на имя помещика купчие и в нотариальных книгах вместо него расписываться. 14 января 1808 г. подобная доверенность была выдана Петру Дмитриевичу Курманову. Документ зафиксировал наличие у графа В.Г. Орлова в Риге собственного дома

с земельным участком. Дан точный адрес: во 2-й Форштатской части, «идучи из города от Санторских ворот на большую Фурманскую улицу под №18». Доверенность давала Курманову право это недвижимое имущество продать, заложить в казну или частным лицам за назначенную им самим цену, а при оформлении документов – выдать от имени графа купчую или закладную, ставить за него подпись. До продажи или залога упомянутого имущества граф обязал Курманова жить в доме, смотреть за ним, исправляя все городские повинности, «отдавать покои в наймы кому заблагорассудишь», но только людям имевшим «законные виды». Отметим, что за домом Петра Курманова в Поречье, в его отсутствие, на протяжении многих лет присматривал односельчанин Андрей Власов, после смерти которого вдова обратилась в вотчинное правление с ходотайством о вознаграждении, чего Курманов в свое время не сделал.

Позже их наследники – Василий и Николай Петровичи Курмановы стали наиболее удачливыми рижскими огородниками в районе Гусиных выгонов. Очевидно, дела их шли не всегда успешно: 8 октября 1829 г. рижанин Бейтер жаловался в Московскую домовую контору графа В.Г. Орлова на Николая Курманова о не возвращении им долга.

Более 30 лет, до конца 1820-х гг. Дмитрий Дмитриевич Курманов являлся старостой землячества для всех находившихся в Риге ростовских огородников своей вотчины. У старосты имелась доверенность на управление в городе и пригородах домами и землями, которые крестьяне приобретали и записывали имя графа В.Г. Орлова. Так, 3 декабря 1827 г. домовая контора через поречского бурмистра Самойлова приказала ему оформить купчую крепость на дом и землю в Риге, которые крестьянин Иван Бочагов ранее приобрел у г. Лелюхина. То есть Бочагов, получив вольную, выкупил упомянутые дом и землю, а Курманов оформил ему на эту недвижимость от помещика соответствующие документы. Кроме того, в круг обязанностей Курманова, согласно приказу домовой конторы от 22 октября 1828 г., входило периодически извещать управляющего графа Н.П. Панина – Шлегеля о ценах на хлеб в Риге, а в предписании конторы от 6 ноября того же года о рижской хлебной торговле – непосредственно графа Н.П. Панина.

Огородное заведение в Риге с рабочей силой из трех крепостных людей имела семья поречских крестьян Серафимовых, куда «отлучалась по торговым делам» с 15 февраля по 1 октября. Ее глава – Никита Серафимов, стал старостой землячества, после ушедшего на покой Дмитрия Курманова, в 1829 г.

Во второй половине XIX в. из Поречья на постоянное место жительства – в Ригу уехало несколько семей. Так, 18 апреля 1877 г. поречские крестьяне на волостном сходе слушали прошение о выдаче увольнительного свидетельства крестьянину Павлу Дмитриевичу Лалину, с семьей, для причисления в Рижское мещанское общество, а 12 июня того же года – Василию Дмитриевичу Жиделеву. Аналогичное решение об увольнении в Рижское городское общество было вынесено на сходе крестьянами 18 января 1881 г. в отношении проживающего с семьей в Риге Александра Петровича Лалина.

Некоторые из огородников поставили свое дело на столь широкую ногу, что вошли в историю. Известно, что в XIX в. рижанам Смирновым принадлежали большие огородные участки на Екатерининской дамбе – ныне Катринас дамбис, Павловым – на Выгонной дамбе – Ганибу дамбис, Хохловым – Петербургское предместье за Александровскими воротами, Гореловым – на Сокольной улице, поречским Жиделевым на Матвеевской улице – Матиса.

В честь удачливых огородников в Риге даже назывались улицы. Например, Романовская – ныне Лачплеша, именовалась не в честь династии Романовых, а из–за того, что удачливый огородник с такой фамилией имел здесь большой участок земли. Долгие годы после ликвидации огородов Курмановых на их месте пролегала улица Курманова – ныне улица Э. Бирзниека-Упиша.

«Крестьяне могут возмечтать о себе...»

Из истории семьи ростовских дворян Вечесловых

• **Зинаида Краузе**

Что Ростов - город купеческий, всем давно известно. Однако и российское дворянство в Ростовском уезде тоже было представлено достаточно широко, и фамилии здесь проживали известные. И вот, среди дворянских семейств, имевших в Ростове и Ростовском уезде в 19 веке владения, фамилия Вечесловых часто бывала на слуху. Судьба представителей этой многочисленной семьи не скупилась на события…

Можно предположить, что в середине века в Благородном собрании и на вечерах в домах именитых дворян и купцов активно обсуждалось такое из ряда вон выходящее событие. Крестьяне из деревень Селищи, Ратчино и Болгачиново Ивашевской волости в количестве сорока человек пришли в город (48 верст пешком!) к Предводителю Ростовского Дворянства с жалобой на «неуравнительные наряды старосты Алексея Андреева». Названные деревни и, соответственно, крестьяне, там жившие, принадлежали Николаю Васильевичу Вечеслову (? – 1866) - представителю старинного дворянского рода. Корни его уходят во времена Ивана Грозного.

А случился бунт осенью 1858 года. Неспокойное было время (были ли в России времена спокойные!?), и власти всполошились. Вечеслов просил уездного предводителя лично «пожаловать неукоснительно в <…> имение для водворения порядка», при этом упрекал Предводителя в том, что пришедшие в город крестьяне «не были подвергнуты исправительным мерам вопреки Высочайшим Рескриптам об улучшении быта помещичьих крестьян». Однако Уездный Предводитель не спешил «пожаловать неукоснительно» и, ссылаясь на неудовлетворительное состояние здоровья, отправил в деревню к Вечеслову земского исправника наводить порядки.

И пошла секретная переписка: губернатор - предводителю, предводитель - исправнику и всем им - помещик Вечеслов. Губернатор выражал недовольство пассивностью Предводителя, потому как «крестьяне могут возмечтать о себе и решиться на новое непослушание», а тот в свою очередь перекладывал всю ответственность на волостного исправника.

Но вот наконец порядок был восстановлен, и в своем донесении на имя г-на Ростовского Уездного Предводителя Дворянства А.Н. Бабкина земский урядник сообщил: «1 сентября я отправился в имение г. Вечеслова, собрал крестьян для внушения о должном повиновении, а главных ослушников подверг легкому полицейскому исправительному наказанию…» (какому именно –можно только догадываться!) И бедные крестьяне «при убеждениях и внушениях, сознавая себя виновными перед помещиком, принесли ему раскаяние».

Так мирно закончилась эта история, всколыхнувшая ростовское общество. Да и могло ли быть иначе?

В семье обер-гиттенферватера 8 класса Николая Васильевича Вечеслова произошло еще немало интересных историй и событий. О них – в следующий раз.

Произведения Ф.Г. Солнцева в собрании Ростовского музея

• **Татьяна Колбасова**

Окончание. Начало в «РС» № 156

«В 1884 г., – писал В.П. Мордвинов, – обновлен был весь храм Александро-Свирской, причем обращено было тщательное внимание на сохранение, без изменений, существовавших до толе как внешнего вида церкви, так и внутреннего ее устройства. Вновь сооружены были

лишь предметы, в которых представлялась надобность для восполнения благолепия храма, и, между прочим, два новые киота, с помещением: в одном из них, поставленном позади южного клироса, иконы явления Пресвятыя Троицы Преподобному Александру Свирскому, написанной, по рисунку и под смотрением профессора Солнцева, учеником его академиком Васильевым…». Для церкви св. Александра Свирского Солнцев исполнил картоны икон: «Преп. Александр Свирский»; «Перенесение в храм св. мощей преподобного Александра Свирского с места их обретения 17 апреля 1634 г.»; «Чудеса преп. Александра Свирского, яже сотвори у гроба своего»; «Преставление преп. Александра Свирского 30 августа 1533»; «Явления ангела Божия преп. Александру Свирскому»; «Явление Божией Матери преп. Александру Свирскому».

Кроме того, для Александросвирской церкви были написаны иконы патрональных святых родителей В.П. Мордвинова и его сестер: «Св. апостол Павел и св. пророчица Анна»; «Св. преп. Пелагия св. великомученица Анастасия Узорешительница и св. мученица Мария».

Для Успенской церкви Солнцев исполнил картоны икон: «Св. равноапостольный князь Владимир» (фото 1).; «Св. пророки Илия и Елисей в чудесах»; «Покров Божией Матери»; «Святой Иосиф Аримофейский и Никодим, тайные ученики Христовы»; «Святые Кирилл и Мефодий» (фото 2).

Последняя икона была заказана Мордвиновым ко дню празднования тысячелетия кончины святителя Мефодия, архиепископа Моравии и Паннонии (6 апреля 1885 г.) и им подробно описана. «Нарочито для села Ваулова, – писал В.П. Мордвинов, – сооружена икона св. Мефодия и Кирилла, писанная по рисунку и под смотрением профессора исторической живописи Ф.Г. Солнцева; св. Мефодий изображен с открытою главою в святительском облачении, держащим в левой руке раскрытое евангелие с написанием на отверстых страницах онаго, по тексту и образцу письмен подлинного, хранящегося в Императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге Остромирова евангелия XI века, начальных строк первой главы евангелия от Иоанна, а десною рукою преподающим благословение; преподобный же Кирилл стоит в одеянии схимника, держа в правой руке крест, а в левой хартию, на коей написана славянская азбука; буквы этой азбуки начертаны также по образцам письмен Остромирова евангелия; все поле иконы позолоченное, вычеканенное крестиками, образцы коих взяты из рисунков имеющихся в Изборнике великого князя Святослава Ярославича 1073 г., на прочих же частях той же каймы – орнаменты, заимствованные из древнейших, одиннадцатого же столетия, стенных орнаментов Киевского Софийского собора, помещенных в издании Императорского Русского Археологического общества под заглавием «Древности Российского Государства. Киевский Софийский собор».

К началу 1903 г. В.П. Мордвинов принял решение подарить Ваулово С.-Петербургскому Иоанновскому монастырю, созданному трудами св. праведного Иоанна Кронштадского. 19 августа 1903 г. Вауловское имение по указу Николая II было переименовано в Вауловский Успенский женский скит С.-Петербургского Иоанновского женского монастыря.

Через три года необходимость сохранения грандиозного семейного архива, портретов, библиотеки, реликвий древнего дворянского рода заставляет его обратиться в Ростовский музей церковных древностей, куда в 1906 г. он передает огромное количество произведений, имеющих большое историко-художественное значение, в том числе и произведения Ф.Г. Солнцева. «Милостивый Государь Андрей Александрович! – писал В.П. Мордвинов в июне 1906 г. А.А. Титову, – смею выразить, что еще более желательным было бы принять от меня Музеем предметов, которые, относясь собственно к предметам церковного художества и церковной старины, всего ближе должны соответствовать назначению специального хранилища церковных древностей. Предметы эти заключаются: в 30 подлинных акварельных рисунках знатока церковных древностей, профессора исторической живописи Ф.Г. Солнцева…».

В ответ на полученный дар члены комитета музея, выражая глубокую благодарность, обратились к В.П. Мордвинову с просьбой: «Комитет Музея не находит слов выразить пред Вашим Превосходительством одушевляющие чувства глубочайшей к Вам благодарности как исходящей от всей полноты нашего сердца. Будьте уверены глубокочтимый Владимир Павлович, что все Ваши жертвы будут в Музее сохранены и охранены на вечные времена и, им дано будет надлежащее помещение в особых витринах, которые, согласно Вашему желанию, будут своевременно изготовлены. При этом нужно сознаться пред Вами, что у Комитета средств на изготовление витрин в настоящее время не имеется, а посему позволяем еще раз обратиться к Вам с покорнейшею нашею просьбою: не отказать в пожертвовании Вашем на изготовления означенных витрин…». Средства на изготовление витрин были получены от Владимира Павловича.

«Картины, писанные профессором исторической живописи Ф.Г. Солнцевым, – писал А.А. Титов в «Ярославских губернских ведомостях», – представляют собой существенный интерес для изучающих русскую православную иконопись… Вклад В.П. Мордвинова, без сомнения мог бы служить украшением для любого музея, даже столичного, и тем драгоценнее он для музея Ростовского».

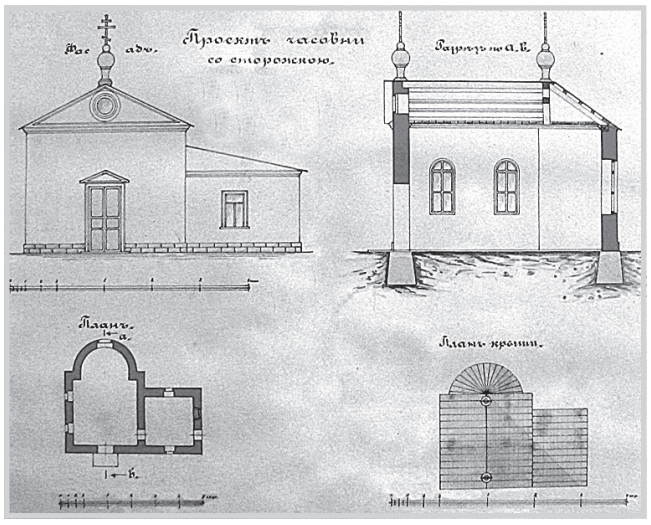
В 1919 г. Вауловский Успенский скит был закрыт, храмы разрушены. Иконы, написанные по эскизам Ф.Г. Солнцева, в большинстве своем погибли. Ныне о деятельности замечательного мастера в родной для него Ярославской губернии свидетельствуют произведения, сохраненные в Ростовском музее.

Об отказе земцев выдать деньги для постройки часовни

• **Константин Степанов**

До 1914 г. при Ростовской городской земской больнице имелась небольшая часовня для выполнения различных церковных треб, которые совершал священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что на Горицах. Впоследствии, после постройки в 1914 г. при стационаре домовой церкви с престолом во имя Богородицы «Всех Скорбящих Радость», находившаяся во дворе часовня была разобрана.

Ранее умершие в стенах больницы больные после медицинского заключения в «анатомичке» еще некоторое время находились в часовне. Чаще это были те, кто не имел родственников, или же они проживали далеко от Ростова и порой не имели возможности перевести тело близкого в родные края. Такое положение дел иногда приводило к тому, что служащие земского кладбища не всегда вовремя извещались о количестве усопших, и возникали недоразумения после привоза покойников для захоронения на земском некрополе.

Учитывая имевшие место неудобства, причт церкви Воскресения Христова, что в Варницкой слободе, обратился в 1904 г. в земскую управу с просьбой «об ассигновании денежного пособия из земских средств на постройку каменной часовни на земском кладбище, в которую бы можно было на время заготовления могил ставить покойников и так же совершать над умершими панихиды». По его расчетам, постройка часовни должна была стоить около 2500 руб., а в наличии имелось только 200 руб. К прошению настоятель храма о. Александр Пречистинский приложил план часовни, а также смету, составленную подрядчиком И.А. Полушкиным. Согласно ей копка 19 саж. рвов под бут стоила 10 руб., заготовка 3,5 куб. булыжника – 140 руб., 1,5 куб. щебня – 40 руб., каменщику за укладку булыжника «с расщебенкой и заусенков с проливкой и извести» нужно было заплатить 35 руб., за кладку кирпича по 5 руб. с тысячи – 300 руб., покупка 60000 шт. кирпичей стоила 960 руб., 720 п. извести – 276 руб., речного песку – 100 руб., металлических связей – 30 руб., покупка девяти покрашенных оконных и дверных рам – 135 руб., 13 саж. полового теса – 78 руб., настил накатов, установка стропил и их обрешетка с покрытием кровельным железом и покраской – 275 руб., изготовление двух глав с крестами – 60 руб., кладка печи – 60 руб., штукатурка верхнего наката стен, откосов в окнах и дверях – 100 руб., а всего нужно было 2509 руб.

Рассмотрев письмо причта, 24 сентября 1904 г. уездная управа предложила очередному земскому собранию ввиду нехватки финансов, а также проводившегося с 1900 г. сбора денежных средств для постройки домовой церкви при Ростовской земской больнице, отклонить просьбу о выделении денег для часовни и получила единогласное одобрение гласных.